

Управленческий кризис и субъективно-технологические предпосылки его преодоления в рамках парадигмы «эффективности»

Анисимов О.С.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 02.04.2016
Опубликовано: 30.06.2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

методология, мышление, управление, эффективность, аналитика, стратегия.

АННОТАЦИЯ:

Мировой кризис, очевидность которого не требует доказательства, и его острые формы демонстрируются в растущем противостоянии «Запад — Россия», а в ином выражении «Запад — Восток», непосредственно связан и с попытками России выйти из той роли, которая была вменена ей после краха СССР, победы «Запада» в «холодной войне», вернуть себе свою идентичность, самостоятельность, полноценное развитие. В этих условиях особую роль играет аналитика и ее качество, аналитические технологии, подготавливающие не только «объективный» взгляд на происходящее, но и возможность разработки неслучайных решений стратегического уровня.

Management crisis and subjective-technological conditions of its overcoming within the «efficiency» paradigm

Oleg Anisimov¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

ARTICLE INFO:

Received: 02.04.2016
Accepted: 30.06.2016

KEYWORDS:

methodology, thinking, control, efficiency, analysis, strategy

ABSTRACT:

The Global crisis, the evidence of which does not require proof, and its acute forms are demonstrated in a growing confrontation «between the West and Russia» and other terms «West — East», is directly connected with the attempts of Russia to withdraw from the role, which was imputed to her after the collapse of the USSR, the victory of the «West» in the «cold war», to regain their identity, independence and full development. In these conditions the special role played by Analytics and quality, analytical techniques, preparing not only «objective» view of what is happening, but the possibility of developing a non-random decisions at the strategic level.

CITATION

Анисимов О.С. Управленческий кризис и субъективно-технологические предпосылки его преодоления в рамках парадигмы «эффективности» // Живая психология. — 2016. — Том 3. — № 2. — с. 83-104. — doi: [10.18334/jp.3.2.36512](https://doi.org/10.18334/jp.3.2.36512)

Oleg Anisimov (2016). Management crisis and subjective-technological conditions of its overcoming within the «efficiency» paradigm. Russian Journal of Humanistic Psychology, 3(2), 83-104. doi: [10.18334/jp.3.2.36512](https://doi.org/10.18334/jp.3.2.36512)

Мировой кризис, очевидность которого не требует доказательства, и его острые формы демонстрируются в растущем противостоянии «Запад — Россия», а в ином выражении «Запад — Восток», непосредственно связан и с попытками России выйти из той роли, которая была вменена ей после краха СССР, победы «Запада» в «холодной войне», вернуть себе свою идентичность, самостоятельность, полноценное развитие. В этих условиях особую роль играет аналитика и ее качество, аналитические технологии, подготавливающие не только «объективный» взгляд на происходящее, но и возможность разработки неслучайных решений стратегического уровня [29; 111; 112]. В зависимости от технологии, моделей, методов и инструментального мыслительного обеспечения возникают аналитические результаты разного уровня убедительности и надежности, приближенности к «истине». Процесс анализа предполагает как субъективное участие, потенциал аналитика и его проявление в зависимости от субъективного развития, порождение аналитической версии, так и использование интеллектуальных инструментов, языковых средств, форм оперирования семиотического и логического уровней [21; 64; 67; 83; 165]. Следует отметить, что высокая содержательность современных аналитиков и достигаемая ими очевидность убедительности сопряжены либо с приобретенным опытом, как правило, содействующим субъективной уверенности в содержании своих мнений, либо с применением языковых средств «отчужденного» типа, математических моделей, объектная содержательность которых достаточно условна и претензии на «истинность» которых критично рассмотрена еще Гегелем [59; 62]. Это касается и анализа мирового кризиса и

возникшего обострения в противостоянии «Запад — Россия» [3; 96; 102; 119; 135; 136; 137]. Возникает вопрос о надежности, глубинности, существенности результатов аналитических усилий и по содержанию, и по способу мыслительной работы в аналитике. Как правило, такой вопрос считается либо риторическим и несущественным, либо несущим множество трудностей в предъявлении критериев и их реальном использовании. В то же время совершенствование механизма управления в реинжиниринге, управлении организациями, предприятиями, имеющими притязания на быстрые и резкие совершенствования, «прорывы» привели к близкому соприкосновению потенциалов управления и аналитики, к привлечению в управленческую аналитику современных возможностей как математического моделирования, так и «логического» моделирования [1; 85; 93; 120; 124; 125; 158; 163].

Однако понимание мыслительных механизмов, обеспечивающих продуктивность аналитических процессов, форм движения мысли и роли в нем средств мышления, понимание сущности языковых мыслительных средств остается крайне поверхностным, что стимулирует ведущую значимость содержания мысли и игнорирование внутренних для мышления условий в получении неслучайных и значимых результатов, а также задержанность в раскрытии причин неудач в мышлении. В аналитике господствует наивная уверенность, что можно не принимать во внимание уровень развитости самой мыслительной способности и достаточно лишь накапливать мыслительный опыт. Даже в слое аналитического обеспечения мыслительных усилий лица, принимающего решения, осуществление информационного, математического и «логического» моделиро-

вания происходит вне учета базисных для теоретической лингвистики, логики и онтологистики принципов и ориентиров. Применяемые термины трактуются в рамках индивидуальных смыслов вне наиндивидуальных значений и понятий, сохраняя логико-семиотический дилетантизм. Игнорируются результаты не только культурно-мыслительного поиска конца XIX, XX вв. в лингвистике, логике, философии языка, но и более тщательные методологические разработки второй половины XX в., заложившие основы современной мыслетехники [168; 169]. Мыслетехника предполагает осознанное совмещение мыследействий и рефлексии этих действий, анализ соотношения содержания и формы, средств, применяемых в мышлении. Именно рефлексивное сопровождение стимулирует обращение внимания на технологическую и субъективную стороны реального мышления, их взаимозависимость, помогает реалистической реконструкции причин неудач в мышлении, прежде всего, в мыслекоммуникации, в которой разделение «содержания» и «формы» представлено отчетливо, демонстративно, и можно направленно корректировать мыслительное самовыражение всех участников мыслительного взаимодействия в постановке и решении задач и проблем [9; 10; 20; 36].

На всем протяжении методологических разработок наиболее значимыми узлами проблемного поля являлись проблемы технологического оформления мыслительных процессов, следовательно, и их средствственного, инструментального обеспечения, с одной стороны, и проблемы субъективной адаптации к особенностям средств и мыслительных технологий, методов, с другой стороны. Если в технологическом слое

особую роль играли критерии логико-семиотического типа и вовлеченность результатов логических и семиотических разработок разных времен, то в субъективном слое большие усилия прилагались к борьбе с установкой обыденного отношения к понятийным парадигмам. В рамках этой установки «потребители» новых и более сложных средств и форм мышления в своей практической направленности считали, что конструкторы новых и все более мощных средств и форм должны таким образом трансформировать эти «изделия», чтобы не нужна была особая, дополнительная переподготовка, сдвиг в уровне способностей. Применительно к миру организованного мышления и перспективе культуры мышления как базисного фактора успешности в постановке и решении наиболее сложных проблем как бы не был применим принцип «переобучения» в сюжетах перехода на более сложные технологические рельсы и применения качественно новых устройств, что является очевидным в индустрии, в инженерной практике. Тем самым, когда в методологии возникли новые формы игромоделирования, опирающиеся на синтезирование потенциалов типов профессий в инновационном поиске, возникли образцы кооперативного взаимодействия с насыщенной рефлексией и содержания, и форм мышления в мыслекоммуникации и рефлексивном мышлении в целом, достаточность содержательного акцента в мышлении и сохранность мыслительных способностей в условиях интенсивного взаимодействия при поиске решений были принципиально проблематизированы [22; 40; 45; 164]. Все участники игромодельного взаимодействия могут приблизить решение и даже постановку проблем к зоне неслучайности и существенности, лишь

обретая готовность и устремленность на самосовершенствование под требования форм поисков, технологические рамки игромоделирования, тем более подвижные и предполагающие возможность резких изменений от одного проблемного сюжета к иному. Следовательно, вместе с разработкой технологических рамок, требований начинался процесс субъективной адаптации к ним. Кроме того, само содержание технологических требований зависело от применяемых методологических и иных понятийных средств мышления. Между «стихийными» технологиями, методами, как результатами обобщения первичных технологий, и понятиями той или иной парадигм устанавливалось кооперативное сопряжение. Поэтому технологии приобретали свою более надежную, существенно значимую опору и подвижность в пределах отношений содержаний разного уровня абстрактности, как в статусе «знаний», так и в статусе «норм». Можно было ввести постулат об укладах мышления: «допонятийный» и «понятийный». Первый уклад характерен для сложившейся практики управленческого мышления и управленческой коммуникации, в котором обязательность соотношения мнений с их основаниями понятийного уровня, следовательно, соотношения с абстрактными конструктами не является значимой. Во втором укладе, возникшем в методологизированной рефлексии, коммуникации и аналитике в целом, соотношение с понятийным основанием становится обязательным, что ведет к необходимости коррекции субъективных качеств, аналитического и инструментально-языкового оспособления, тем более что без использования таких абстрактных инструментов невозможна формулировка задач и проблем [50; 166].

Однако миссия методологии главным образом связана с постановкой и реше-

нием проблем стратегического уровня [19; 84; 140; 168]. В то же время вышли на первый план трактовки стратегического мышления [66; 80; 99; 117; 121; 131; 147; 154; 155; 156; 157; 159]. Анализируя версии стратегического мышления, особенно возникшие в древности, мы заметили, что специфика «стратегической функции» тесно связана не только с организационной иерархией, но и с иерархией мышления, с отношениями между уровнями абстрактности выражения одного и того же материала конкретных содержаний созерцаний, с применением высших абстракций, онтологий, законов бытия «вообще», на которые ссылались Платон, Конфуций, Сунь-цзы и др. [100; 101; 115; 128; 134; 152]. Поскольку корректное движение мысли в иерархии абстракций требует использования дедукции, а диалектическая дедукция лежит в основе «метода Гегеля», раскрытием которого мы занимались с конца 60-х гг., то нам становилось ясно, что мыслетехника, сложившаяся в методологическом сообществе («Московском методологическом кружке»), не соответствует требованиям стратегической функции и она адекватна тому, что Гегель называл «рассудочным мышлением», тогда как его абсолютный метод требовал «разумного мышления» [12; 42; 61]. Найдя место «абсолютному методу» в дедуктивной пирамиде, мы доопределили механизм стратегического мышления и раскрыли принципиальные дефекты реальной практики стратегического мышления, приступили к созданию диалоговых моделей стратегического мышления для их игромодельного использования в линии выращивания субъективных механизмов стратегического мыслителя [11; 13; 23; 24; 37; 39; 48; 53].

В то же время совершенствование мыслетехники и стратегически значимых моделей взаимодействия в иерархиях

стимулировали к преодолению второго мыслительного уклада. Важнейшим фактором выступало осознание того, что в иерархии абстракций принципы рассудочной мыслетехники неадекватны потребностям диалектической дедукции, а сама дедукция предполагает оперирование предельными содержательными абстракциями, онтологиями. В практике аналитики онтологии, метафизические основания если использовались, то вне требований «разумной парадигмы», а содержание онтологических версий не было связано с подчинением требованиям гегелевской версии диалектической дедукции, его «абсолютному методу» [68; 69; 71; 78; 81; 94; 95; 104; 108; 118; 130; 138]. Тем самым мы рассматриваем многочисленные усилия по созданию всеобщих ориентиров, исходных оснований для раскрытия законов бытия, имеющих предварительную значимость в силу несоблюдения требований к конструктору мировоззренческой версии, к его механизму мышления, в связи с неадекватностью для его работы рефлексивной самоорганизации, что особо обсуждал Гегель.

Иначе говоря, любой тип деятельности и мышления несет в себе те требования, которые нельзя игнорировать. Это касается и теоретического конструирования, и философского конструирования, и аналитического соотнесения материала мысли со средствами, и методологической мыслетехники в различных рефлексивных позициях и функциональных местах. Стратегическая позиция является наиболее ответственной в управленческой иерархии и она, при наличии осознанной устремленности к высшей неслучайности интеллектуального самовыражения, не может предполагать заполнение любым субъективным выразителем позиции. Еще Платон утверждал, что успешность и

полезность любой части универсума зависит от ее устремленности к адекватности своей «идее», своему месту в универсуме, что касается и самой «идеи», которая должна уподобляться «идее идей», становиться ей адекватной [129]. Аналогичное можно найти в раскрытии устройства универсума в «Книге Урантии» (Чикаго, 1997). Недостаточное следование диалектической дедукции снизило ясность и доказательность многих содержательно значимых трудов, в том числе и такого, как В. Шмакова, глубокого изложения системы эзотерической философии [162]. Опираясь на высшие формы движения мысли и учитывая особую роль в этом как немецкой классической философии, прежде всего, наследия Гегеля, так и московского методологического движения, мы стремились использовать потенциал схемотехники, структурной лингвистики, логики (от Аристотеля до Гегеля и его «метода») для «технологического» использования онтологических версий, для их практического применения в стратегическом мышлении [32; 34; 35].

Важно отметить, что «метод Гегеля» при его «линейном» применении, при введении вопроса о том, «что должно быть последующим утверждением», с приданием вопросу всеобщности, мы получали уникальные результаты, так как содержание исходного положения раскрывалось по критериям диалектического самодвижения мысли, содержательной самоактуализации потенциала того, что берется в качестве «исходной клеточки». Взаимозависимость «потенциального» и «актуального», «конкретного» и «абстрактного», «формы» и «материи» предопределяла ответы на вопросы и в слое теоретического конструирования, и в слое практической динамики, и в слое рефлексивных процедур. Такой эффект мы обнаружили еще в период постижения для нас новых

содержаний, работы с новыми текстами, при погружении в новые области знания, выраженные в текстах. Первичные технологические усилия в мыслетехнике были обращены к конспектированию, текстуальной схематизации, а позднее, при анализе методологических дискуссий, в которых применялись схематические изображения, схемотехника принимала специфичный для изобразительных схем характер и рефлексия двух типов схемотехники непосредственно обеспечила быстрое освоение потенциала идей и теорий в лингвистике и логике. Именно использование схематических изображений привело к введению двух судьбоносных для понимания различий «рассудка» и «разума» схем — «акта мысли» и «шага уточнения», в отличие от «шага дополнения» в конце 70-х гг. [18; 31; 33; 57]. Схематические изображения являлись образцами «объектного» выражения содержания схем и это вело к оформлению «объектной логики» с возможностью применения диалектических критериев для понимания схем. Еще в начале 80-х гг. был проведен цикл раскрытий онтологических содержаний в большом ряде наук и при постановке задач на цикл нашего соратника В.С. Бязырова в центр внимания вошли принципы универсальной динамики, раскрытия тайн «трех» и «семи». Схемотехника и применение ориентиров «метода Гегеля» позволили найти ответы на таинственные вопросы. Была создана предпосылка «онтотехники», т.е. содержательной мыслетехники онтологического уровня. В 1996 г. предварительные материалы были оформлены по теме «нечто в универсуме» и акцентировка перешла от «развития» к «циклике», в которой выделялось и развитие. В качестве опорного тезиса выступило положение Аристотеля о том, что любое «нечто»

имеет и «форму» и «материю», что легко интерпретировалось в теории деятельности, а затем во всех типах и уровнях бытия. Возникла схема «метафизический треугольник», а позднее ее завершенная версия как «метафизический ромб», сдвоенный, в диалектической паре, треугольник, выражающий «темное» и «светлое» начала в нечто и в универсуме. Возник мыслительный аппарат для онтологических процедур [17; 49].

Между онтологическим слоем аналитики и прагматическим слоем аналитики возникло большое «расстояние» в соотношении уровней абстрактности мыслительных средств. Но в 2006 г. произошло крайне значимое событие для всей линии стратегических поисков. Начиная унификацию методологических средств в рамках устремленности на их трансляцию, использование в качестве «учебных единиц» в процессе воспроизводства корпуса методологов и освоения накопленного опыта изоциклического мышления, особенно в дискуссиях, в конце 70-х гг. XX в. мы воспользовались идеей и «методом» Гегеля для целей парадигматизации методологического языка. В результате возникла базисная пара-дигма, «Азбука», средства анализа деятельностных коопераций [5]. Парадигматичность минимальной группы средств, благодаря применению логики «восхождения», давала высокий уровень абстрактности и универсальности исходных понятий, приложимость в «любых» сюжетах рефлексивного мышления и в мыслекоммуникации, подчеркивала вхождение во второй уклад мышления в самой методологической практике. Синтагматические комплексы возникали по содержательно-сюжетной необходимости, в том числе при реконструкции сложных схем,

имеющихся в методологическом кружке, руководимом Г.П. Щедровицким. Создание «интегральных», но парадигматических схем не было в то время актуальным в созданном нами в 1978 г. «Московском методолого-педагогическом кружке». Тем самым мы воспроизводили «рассудочный» тип мышления, хотя в самой «Азбуке» уже были схемы, предназначенные для «разумного» типа мышления. Деятельностная, дополненная рефлексивной и мыслекоммуникативной, направленность методологической мысли вытесняла, и эта ограниченность стала заметнее вместе с введением игромоделирования в 1979 г. Мы также не подчеркивали роль средств психологического анализа до 1982 г., когда стали преподавать психологию в пединституте и когда возникли трудности роста в составе нашего кружка, появились организационно значимые конфликты из-за сложностей овладения логикой «восхождения» и интегральным методом понимания, МРТ. Накопившиеся трудности в работе кружка и усилия по унификации средств психологического анализа привели к пересмотру «Азбуки» в конце 90-х гг., совмещению нормативно-деятельностного и субъективно-деятельностного, субъективно-мыслительного потенциалов в единой парадигме, что существенно повысило рефлексивно-критериальный потенциал в условиях решения образовательных задач и проблем [7]. В этот период была создана кафедра методологии в Высшей школе управления АПК РСФСР и мы ввели принципиально новый учебный план в рамках идеи формирования основ культуры мышления в управленческой деятельности. Однако более эффективная парадигма средств и ее усложнения под типы проблем оставляли «дифференциальность» преобладающей. Развертывание объектно-онтологичес-

ких схем происходило под мыслительные сюжеты. Необходимость иметь парадигматически выраженную «интегральную» инструментальность выделилась к 2000 г. [14]. Группировка дифференциальных схем (1–14) была замещена интегральной схемой (15), сохранив псевдогенетические следы синтезирования. Это была прелюдия нового взлета и технологической стороны методологического мышления.

В 2000 г. мы были привлечены к анализу проблем безопасности страны и к соучастию в создании стратегии развития России на период до 2010 г. (группа Г. Грефа). Со-трудничая с творческой командой «безопасников», с ярким устремлением к реальному проектированию будущего, мы были в 2006 г. стимулированы к историческим реконструкциям, к явлениям всемирной истории, к новой линии исторического исследования, возникшей в стране. Обладая методологической парадигмой, в том числе интегральной схемой «Общество», мы заметили на материале древних сюжетов то, что позволило нам ввести понятие «цивилизация», отличающееся от понятия «культура» и усмотреть в онтологии цивилизации «исходную клеточку» исторической аналитики [27; 30]. Учет содержания понятия «цивилизация» в раскрытии содержания понятия «Общество» привело к основополагающей интегральной схеме «страна» как цивилизационная единица, ставшей базисной для исторических реконструкций достаточно конкретного уровня анализа, но в пределах стратегического уровня. Выделился тип стратегической аналитики, обращенный к цивилизационной динамике стран [38; 41; 43; 44; 52].

Тем самым в этих разработках выделялась иерархия средств для стратегического анализа макросистем уровня страны. Наиболее абстрактным уров-

нем средств выступала онтология бытия («метафизический ромб»), затем более конкретным уровнем являлись средства цивилизационного анализа и наиболее конкретным уровнем выступала онтология страны. Содержания каждого уровня вытекали из исходной, характеризующей универсум и его части, выводились по принципу диалектической дедукции. Поэтому в более конкретной объектно-онтологической схеме можно было находить действие «законов бытия». Благодаря технологической форме дедукции мы могли вводить типологической разложение и анализировать типы цивилизаций и стран, в том числе и Россию, с ее многоцивилизационным единством. Именно иерархическая основа мыслительных средств, дедуктивно-диалектическая мыслетехника внесли самый большой вклад в неслучайность реконструкций и проектного конструирования. Оформился третий мыслительный уклад, дающий принципиально иные возможности в стратегическом мышлении в его именно «разумном» осуществлении. Вместе с этим стало очевидно, что в такой мыслетехнике заложены базисные стандарты собственно стратегического мышления, усвоение которых неизбежно для реализации притязаний на профессионализацию стратегического корпуса в управленческой иерархии в позициях управленца-стратега и стратегического аналитика. Только этим можно предопределить качество стратегической мысли и перейти к разработке неслучайных стратегических решений. В частности, корректность проектных и прогностических процедур для типа цивилизации и типа страны, реальный путь России, опирающийся не столько на мнение талантливых аналитиков, сколько на надежное цивилизационно-стратегическое нейтральное вычисление, невозможны вне обрете-

ния способностей к такому мышлению [58; 60; 62].

Основным сдерживающим приход к качественным стратегическим выводам в усилиях опытных и талантливых ученых и аналитиков выступает игнорирование или непринципиальное отношение к мыслетехнике, требованиям культуры мышления. Реализуемые стереотипы отстраняются от очевидной зависимости любого профессионала от его способности к решению важных задач и проблем. Тривиальность принципа воплощается в материальном производстве, зависимом от «сопротивления вещей», тогда как в интеллектуальном производстве зависимость от «сопротивления» неподготовленного интеллекта, от его несоответствия требованиям к субъективности, идущим от сущности эффективного мышления, не воспринимается всерьез. Воплощается принцип априорной готовности интеллектуала к постановке и решению задач и проблем стратегического уровня, готовности его мыслительного механизма к мыслительным «поездкам» на любой «интеллектуальной местности». Другая сторона этой же наивности состоит в том, чтобы свести реальные сложности мыслительных поисков к доступности для неразвитого мыслителя, что делает ненужным обретение способностей более высокого уровня. К сожалению, это касается и ученых, и аналитиков, и стратегов, продолжающих акцентировать внимание на «содержании» мысли и конечном результате, вытесняя способы, средства мышления, необходимость внутренней адекватности внешним мыслетехническим требованиям. По этим причинам остаются недостаточно определенными представления о цивилизации [4; 73; 74; 75; 76; 77; 79; 87; 98; 103; 110; 122; 126; 127; 144; 148; 153; 171; 173]. В зависимости от понятийных оснований осуществляется

проблематизация текущего цивилизационного состояния глобального мира и его частей, в том числе и России. Зависимость содержательной трактовки проблем от мыслительных инструментов и особенностей их применения не замечается, не имеет значимости, что ведет к предварительности возникающих выводов, субъективно воспринимаемых как достаточно обоснованные [70; 88; 89; 146; 150; 161]. Переход к проектированию будущего, как мыслительная процедура, подчинена тем же требованиям мыслетехники, мыслительной культуры в целом. Поэтому при игнорировании таких требований остается окно для случайностей субъективного самовыражения, и это вносит момент ненадежности в проектные содержания, особенно на стратегическом уровне иерархии управления. Обладая опытом использования логической «машины» Гегеля, в ее технологическом оформлении, опытом самокоррекции и корректирования в условиях игромоделирования, мы можем представить масштабы логико-семиотического и онтологического «очищения» всей суммы возникших трудов, результатов творческого самовыражения с установкой на придание им объективной неслучайности. Это создает потенциал нравственного и делового драматизма в профессиональном общении с вполне достойными авторами [97; 109; 123; 132; 143; 145; 149; 151; 160; 172].

Возможность выявить недостаточность субъективного развития и осуществить поправки, вести к адекватности субъективного ресурса технологическим, нормативным требованиям вообще в инновационных разработках стратегического уровня непосредственно связана с игромодельным механизмом методологического типа.

Именно в нем любой специалист не только встречается с «деловыми» и технологическими затруднениями в решении и постановке задач и проблем, но и с необходимостью углубленной рефлексии, поиском всех типов причин затруднений с применением соразмерной критериальной базы [28; 113; 114; 169]. При обращении внимания на субъективные факторы проблемных ситуаций оказывается, что они играют в этих формах инновационных поисков решающую роль, и придание точности, глубины понимания зависимостей от психических механизмов предполагает использование развитой парадигмы средств психологического анализа [6; 8; 54]. Специфика стратегического мышления в рамках второго и третьего мыслительного уклада требует сознательного и корректного использования мыслительных средств высокого уровня абстрактности. В свою очередь присвоение подобных средств предполагает соразмерную качеству средств мышления и особенностям психотипа внутреннюю самокоррекцию, часто связанную с драматичностью преодоления инерции прежнего уровня развитости субъективности. Поэтому не только обнаружение субъективных причин неуспеха и ошибок, но и, прежде всего, вхождение в перспективу неслучайного раскрытия актуального и возможного, необходимого субъективного состояния с помощью подобных средств психологической парадигмы тесно связано с «инструментализацией» сознания, обретением инструментального самосознания нужного уровня как условия вхождения в семиотический и логический слои мышления [56]. Особой стороной адаптации к мыслительным средствам и овладения ими выступает специфический процесс идентификации с идеальным объектом. Если более привычный процесс идентификации с парт-

нером в общении, несмотря на кажущуюся очевидность, протекает со многими затруднениями и для его более надежного протекания используются приемы, заимствованные в практике работы актера над ролью, то в игромоделировании применяется технология идентификации с опорой на схемы, выражающие характер поведения игрока в решении поставленной задачи и с учетом отношений с другими игроками. Содержание понятийных и ситуационно значимых схем рассматривается как источники «сценария поведения», указателей субъективной мобилизации и самоорганизации [55]. При усвоении компонентов понятийных парадигм необходимым условием успешности выступает корректное превращение понятийных схем в средства их сценарного выражения. Идеальные объекты становятся сценарными указателями содержания «требующего Я» для идентифицирующего, действующего на имеющийся в самосознании образ «желающего Я» и корректирующего его. Сама корректирующая динамика, ее внешнее и внутреннее прохождение подвергается рефлексии и рефлексивной коррекции.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. В условиях стратегического управления и осуществления реконструктивного или конструктивно-проектного мышления игнорируются характерные для стратегической позиции требования в силу некомпетентности, отсутствия специфического для позиции образования. Поэтому ход и результаты стратегического мышления определяются случайностью адаптации к сюжетам стратегического мышления, непредсказуемостью субъективного самовыражения в мышлении, случайностью придания результатам высокой значимости, выделенности ведущей версии и закрепле-

нием версий в отчужденных, письменных оформлениях версий. Нет арбитражного обеспечения дискуссий в среде стратегов, так как арбитражное реагирование чаще заменяется критикой или поддержкой значимого лица, не владеющего технологией арбитражирования в дискуссиях. Применение популярных оснований, научных понятий, концепций носит индивидуально-смысловой характер и сохраняет мыслительную безответственность. Если такая картина реалистична, то она свидетельствует о дилетантском уровне реализации стратегических функций, отсутствии профессионализма и ставит общество в отношении «заложника» подобной практики. Игромоделирование показывает, что данная картина обладает высокой реалистичностью. В условиях попыток антикризисного управления такая практика не только сохраняет кризисный потенциал, но и укрепляет его и, в лучшем случае, дает лишь случайные снижения давления кризиса.

Важно подчеркнуть, что тактические удачи и использование современных способов управления, заимствование фрагментов интеллектуальных систем и языков, обладающих достаточным уровнем абстрактности, включение в качестве ориентиров в той или иной мере удачных моделей и т.п. при мыслетехнике второго мыслительного уклада, тем более, в обогащенном первом укладе, принципиального решения проблемы надежного стратегического управления не приносит. Достаточно внимательно присмотреться к мыслетехнической основе принятия решений, особенностям самоорганизации в разработке решений, к принципам движения мысли в позиции управленца, особенно в иерархических системах [2; 72; 82; 86; 90; 91; 92; 116; 133; 139; 142]. Недостаточны и методологические попытки усовершен-

ствовать управленческое мышление на базе парадигмы «рассудка» [141; 168].

В подобных условиях не может быть эффективности стратегического управления и надежного выхода из кризиса, перспективы развития страны. Но тогда возникает вопрос о том, что является сущностью эффективного управления вообще и управления страной, в частности? Что такое эффективная страна, способная преодолевать явления кризиса и претендовать на успешное развитие, быть достойной своих потенциальных преимуществ?

Вопросами «эффективности» стратегического мышления и управления мы стали заниматься недавно, анализируя динамику присвоения новых технологий мышления в рамках «Школы управленческого мышления», созданной адептом ММПК в холдинге «Сибирская аграрная группа» (г. Томск), занимавшего должность заместителя генерального директора по стратегии (Е. Мундриевская). Для внедрения моментов культуры мышления команда игротехников (В.В. Верхоглазенко, А.А. Иванов, А.П. Инфанов) под нашим руководством ввела оригинальную учебную программу, в основе которой была поставлена последовательность базисных понятий методологической парадигмы, ведущая к раскрытию механизма управления в управленческих иерархиях при совмещении с материалом сюжетов из самого холдинга и их подобию в форме учебных диалогов «участников» управления. Общее технологическое введение было выражено понятием «цикла управленческой деятельности» (Т-цикл). В него постепенно вводились уточняющие понятия. Успех обучения мог состояться лишь при усвоении базисных понятий и соответствующих технологий и моделей. Цикл обучения предпо-

лагал 10 модулей по 3 дня с перерывами для закрепления и подготовки к новым этапам. После проведения первого цикла выявилась проблема субъективного типа, так как не удавалось полноценно втянуть и преобразовать субъективность под требования инструментализированного мышления. Это привело к появлению проблемы «эффективности» управленческого мышления и деятельности, тем более в решении стратегических задач и проблем [65]

В том понимании «эффективности», которого мы придерживаемся, реализуется системный подход к динамике деятельности в полноте придания соответствия ресурсов фиксированной динамической форме, норме, следовательно, на всем «протяжении» процесса получения «продукта». Поэтому если не требуется полное соответствие, во всех «точках» «траектории», то это уже не эффективность, а «продуктивность». Если же не требуется соответствие цели или при отсутствии цели, опоре на стихийно складывающийся образ окончания процесса, то это становится «результативностью». Полнота соответствия создается при реализации полноценных технологических требований. В жизнедеятельности, в отличие от мира деятельности, технологические требования не ставятся. Но и в социодинамике способы разрабатываются с легким подобием на разработку технологий, так как нет жесткой необходимости четко предопределять как конечный результат, так и путь к нему в условиях согласований и подвижности потребностных состояний, внутреннего самовыражения и т.п. И в социокультурных взаимодействиях изначально нет жесткой необходимости в технологическом уровне предопределений, хотя критерии, как инструменты в арбитражной

коммуникации, сближают, потенциально, нормирование к технологической перспективе. Тем самым циклическая динамика в социуме изначально остается «дотехнологической» и лишь введение мира деятельности, прежде всего «материального производства», а затем в общем процессе индустриализации, обеспечивает общее созидание технологического оформления и предопределения процессов.

Следовательно, явления «эффективности» порождаются сначала в индустрии и по подобию распространяются на иные сектора страны, где выделяется нормативная практика, в том числе в управлении, в науке, в образовании, здравоохранении, спорте, военном деле, охране общественного порядка и т.п. Появляются черты «технологичности» и в аналитической практике, в мире мыслекommunikации, рефлексивном мышлении, в логических, онтологических разработках. Однако при переходе от «вещного» производства к иным преобразовательным практикам, например, в образовании, жесткие технологии вытесняются гибкими, технологическими переопределениями по меняющейся ситуации. И тогда возникает вопрос о том, возможно ли сохранение принципа динамического соответствия ресурсов фиксированным нормам, следовательно, и перспективы эффективности? Выход находится в создании надстройки над слоем меняющихся технологий, которая имеет свою «динамику». Это переход к созданию «методов», обобщенных динамических норм, следовательно, и самой возможности фиксированных требований к движению «от точки к точкам» до завершения линии изменений. Адекватность ресурсов тогда связывается с переходами в «методе», а меняющиеся технологии лишь подтверждают действенность мето-

дов в рамках их соответствия методам. Возникает начальная иерархия требований, где «абстрактное основание» связывается с методом, а конкретное основание — с технологиями как вариантами допустимых конкретизаций основания.

В научных исследованиях программы опираются на базисные парадигмы, в основе которых лежат понятия, а не только методы и сами методы выступают в качестве следствий применения понятий, перевода содержаний из статуса знаний общего уровня в статус методов, т.е. обобщенных способов действий. Следовательно, при достаточно жесткой соотнесенности понятий с методами, вытекающими из понятий, сами понятия и предстают в качестве статических конструкций, инструментов, которые «выделяют» варианты методов в зависимости от фокусировки на том или ином моменте понятия. Само «чтение» понятия является динамическим процессом, следованием динамике жизни идеального объекта. Тогда понятия становятся надстройкой над методами и соотнесение с ресурсами предстает как многослойные и неслучайные переходы, обеспечивающие реализацию идеи подчинения и соответствия ресурсов нормативно значимым основаниям, рассматриваемым динамически. Восстанавливается сама возможность анализа эффективности. Но и научные понятия обладают вариативностью в их применении с учетом эмпирического потенциала. Тогда над слоем научных понятий вводятся более абстрактные основания, философские онтологии. Они также «считываются» динамически и при фиксированной онтологической версии можно вести соотнесение с динамикой перехода от одного научного понятия к другому как перефокусировку в едином идеальном объекте онтологического уровня. Тем самым, при налаженности

отношений между слоями технологий, методов, понятий, с одной стороны, и слоем ресурсного обеспечения можно реализовывать идею эффективности. В случае иерархической онтологии и, тем более, теологическом истолковании онтологии можно ввести тезис о божественной эффективности, так как высшее основание в дедуктивной конкретизации дает высшую неслучайность всех событий и процессов в конкретном уровне, доступном наблюдениям. И тогда кажущиеся несоответствия и отрицательно трактуемые явления истолковываются как невыявленные и замаскированные для «непонимающих» божественные проявления, скрытые эффективные «самовыражения» божества при трансформации «чистых» действий «свыше» в «нечистые» действия «снизу», подлинная содержательность которых остается нераскрытой, эзотерической.

Мы видим, что аналитика эффективности имеет многослойный потенциал и для продуктивного его использования требуется владение всеми уровнями оснований в их соподчинении. А это предполагает высокий уровень владения культурой мышления, прежде всего, сочетанием дедукции и индукции на фоне семиотических и логических форм организации мышления, владения совершенной мыслетехникой, высшей формой которой предстает следование критериям «разума» (по Гегелю), в отличие от «рассудка». Владея культурой мышления, можно на высоком уровне неслучайности и определенности совмещать потенциал схем абстрактного уровня («метафизический ромб») и конкретного уровня («деятельность», «жизнедеятельность» и т.п.).

Исходя из изложенного можно более точно охарактеризовать управленческий кризис в стране. Преодолевая эмпирический тип аналитики в рамках пер-

вого мыслительного уклада и используя в качестве критериев оценки не только сущностные ориентиры управленческой деятельности, особенности иерархичности управленческого механизма государственной службы, его насыщенности аналитическими и иными служебными звеньями, обращенность к совокупности разнородных частей устройства страны, внося базисные ориентиры и критерии, характерные для желающего профессионального управления в рамках второго и третьего мыслительного уклада, приходится констатировать следующее [25; 46]. Выделение замкнутых циклов управленческой деятельности остается случайным и не гарантирующим соблюдение критерия процессуальной и каузальной непрерывности, а создаваемые процессуальные цепи не выражаются технологически. Соотнесение циклов, технологическое сопряжение эмпирично, непредсказуемо, ситуативно, субъективно или формалистично, слабо обосновано, обладает незначительной доказательностью. Кооперативное согласование циклически ориентированных картин управленческой деятельности не унифицировано, случайно, порождает множество недоумений. При попытках ввести влияние достаточно строгих моделей управленческих циклов демонстрируется либо излишний формализм, либо уклонение от модельных ориентиров. Самые большие масштабы стихийности, случайности и формализма в прохождении даже намеченных циклов, не обеспеченных индивидуальной ответственностью, осуществляются именно в стратегическом управлении. Сами стратегические версии не проходят путь их неслучайной, доказуемой конкретизации, кооперативные связи, горизонтальные и вертикальные, рвутся, что создает явление нереализуемости стратегий при отсутствии готов-

ности и способности ее конкретизации и воплощения в конкретизированных слоях иерархии. В случаях перехода к более жесткой форме конструирования, защиты и критики стратегий с введением теоретических, философских, логических оснований технологий реализации стратегической функции управленцы не расположены критично относиться к своей неготовности и неспособности к соблюдению требований более высокого уровня, исходящих из культуры мышления и рефлексивной самоорганизации, избегают возможности саморазвития, коррекции базисных интеллектуальных, мотивационных, самокоррекционных механизмов. Все это устраняет саму перспективу совершенствования и развития, перехода от ценности эффективности в современном технологическом пространстве управленческого мышления. Динамика управленческой практики в высшем управленческом слое обречена на слабую результативность, на повышенную непродуктивность и нулевую эффективность. А это и есть управленческий кризис.

Следует отметить, что высший управленческий корпус во времена руководства страной И.В. Сталиным был следующим стереотипам непрерывного самосовершенствования, уподобления вождям «делового» типа, в отличие от вождей «партократического» типа. Для этого достаточно внимательно прочитать дневники Л.П. Берия, выявить его личные критерии самоорганизации и те критерии, которые он замечал в самоорганизации И.В. Сталина. Требования к приведению реальных способностей требованиям функции в системе управления, придание внутренней работе регулярного характера являлось неременным фактором профессиональной жизни вожд-

дей, ответственности за качество управления [26; 47; 51; 63; 105; 106; 107]. Когда честная и тщательная реконструкция героического периода жизни СССР осуществляется, делается попытка понять источники могучего прорыва в будущее, причин высочайших темпов совершенствования и искреннего энтузиазма большей части народа, многие аналитики приходят в замешательство и либо считают взлет страны «чудом», либо вносят легкие для понимания версии, например, масштабы насилия, диктаторские методы правления и т.п. Этим демонстрируется вся безнадежность эмпирической аналитики. Однако, если использовать надежные мыслительные инструменты, которые возникли в методологии, и разумные логические формы мысли, то можно ввести иные выводы [15; 16; 64].

В этот героический период была продемонстрирована прагматическая форма высшей управленческой эффективности. Между плано-технологическим слоем управления и ресурсно-субъективным слоем управления были установлены жесткие соотношения в пользу реализуемости планов и технологий, подчиненность ресурсов требованиям технологий и планов. Сами требования были гибкими, зависимыми от меняющихся условий, что требовало гибкости и инновационной смелости. Деловой прагматизм подчинялся высшей мотивации, идеологической устремленности с научно-философским обоснованием в рамках «исторического и диалектического материализма», субъективной уверенности в высшей неслучайности идеологом, наполнявшей взлет духа соответствующей энергией. Философско-идеологический консерватизм был условием защищенности от сомнений при искренней убежденности лидеров в доказанности постулатов

марксизма. Хаотизация в критической устремленности была вытеснена, создав условия для недопущения хаотизации в практической деятельности. В рамках глобального выживания и наличия противостояния это было необходимо также, как необходима была целостная мобилизация сил для успешного прорыва в новое качественное состояние страны, для подготовки к сражениям в Великой войне, неизбежность которой понималась И.В. Сталиным в 20-е годы, в период разработки стратегии прорыва. Страна становилась сплоченной «командой» со всеми трудностями и отношениями с противниками прорыва и устремленными к индивидуализации жизни в ускоренно движущейся стране, с влиянием внешних сил, создававших противостояние внутри СССР. Все признаки эффективности, а не только продуктивности, были воплощены. Но это была прагматическая форма эффективности. Рефлексивная самоорганизация участников, лидеров и ведомых, была на основе «здорового разума», в том числе и у высших лидеров, могучих конструкторов и воплощений конструкции стратегического прорыва.

Переход к иной форме эффективности стал происходить с середины 50-х гг., когда возникло принципиальное отношение к внутренним для самоорганизации условиям эффективности, когда сам процесс разработки решений и критическое, создающее гибкость мышление управленцев, стали подвергаться технологизации и подчинению высшей критериальности. Логическая устремленность стала подготавливать окультуривание «здорового разума», выходя за пределы внешней ориентации и формализма самих логических требований, характерных для формальной

логики. Практическая необходимость в неслучайных решениях стала совмещаться с актуализацией роли логики в ее двух направленностях. На Западе ограничивались потенциалом формальной логики, а в СССР восстанавливали в правах диалектическую логику в попытках ее понимания «по Марксу», его методу, проявленному в «Капитале», хотя сам образец мысли Маркса был лишь подобием «метода Гегеля». Возникли содержательная акцентировка в таких усилиях (Э.В. Ильенков и др.) и формная акцентировка (А.А. Зиновьев), повлиявшая в дискуссиях на выделение первых методологов, ставших изучать механизмы мышления вне ограничений психологических версий (Г.П. Щедровицкий и др.). Проблемы сущности мышления в немецкой классической философии «возвратились» в СССР и создали логико-методологическое напряжение парадигм «рассудка» и «разума». К этому стали примыкать и усилия по компьютеризации управленческого процесса, разработки математического моделирования в направленности на «машинизацию» интеллектуальных процессов в принятии стратегических решений (П.Г. Кузнецов и др.). Тем самым мышление становилось технологизируемым и для содержательной и механизмической корректности оно опиралось на быстро концептуализируемую сущностную содержательность. Технологичность и концептуальность согласовывались друг с другом, используя как научные, так и философские потенциалы. Появились не только требования к логически и философски обоснованному мышлению, но и образцы новой мыслетехники, сначала в сюжетах дискутирования, а затем и в игромоделировании (Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995). Именно в игромоделировании возникли

условия раскрытия иерархических механизмов коллективного мышления, совместившего акцент на содержание и форму мысли. Сопровождающим выступал акцент на субъективную адаптацию к новым требованиям. Следовательно, именно в России конца XX и в начале XXI в. появилась возможность новой формы эффективности управленческого мышления и управления в целом. Сначала она проходила этап вовлеченности во второй уклад мышления, а затем, усилиями ММПК, вовлеченности в третий уклад мышления, совмещающей высшую прагматичность и высшие критериальные основания в их сопряжении.

Следует отметить, что в пилотном проекте «школы управленческого мышления» в г. Томске сочетание «рассудочной» и «разумной» парадигм мышления, соответствующее сочетание и переход от первого ко второму и третьему укладу мышления в управлении проявилось в начальном слое применения циклических образцов и эталонов в анализе управленческих процессов. Управленцы сначала не замечали различий предлагаемых концептуально-технологических схем, в том числе базисной схемы «Т-цикла» и предпочитали более привычные прагматические процессуальные циклы, заимствованные в прошлых образовательных мероприятиях, включая зарубежные версии технологий. Лишь осуществив переакцентировку с ситуационной самоорганизации на реализацию ценности неслучайной, обоснованной, доказуемой самоорганизации в своей деятельности и мышления, они заметили преимущества наших схем и всей мыслетехники, имеющей свое высшее, онтологическое обоснование. В рамках внутренних разработок в ММПК мы осваивали

высшую мыслетехнику в стратегической позиции с применением дедуктивно-диалектических форм разумного мышления, в том числе и дедуктивное «портретирование» макросистем, «страны» и т.п.

Тем самым в России сложились условия принципиального преодоления управленческого кризиса благодаря переходу к парадигме третьего мыслительного уклада. Это обеспечит не только устранение разрыва в продуктивности между наиболее развитыми странами и Россией, но и более достойную перспективу быть лидером по критериям и продуктивности, и эффективности в рамках актуализации преимуществ типа цивилизованности России, специфичности ее культурно-духовного кода, ее «идеи» и «идеала». В центре внимания — необходимость осуществить прорыв в технологическом слое управления, в использовании потенциала культуры мышления и всей целостности культуры и духовности, в субъективном слое самоорганизации, что невозможно вне коренного изменения механизма образования и в содержании стандартов управленческой деятельности.

Литература

1. Абдикеев Н.М., Данько Т.П., Ильдеменов С.В., Киселев А.Д. Реинжиниринг бизнес процессов. Полный курс МБА. Учебник. — М., 2005.
2. Акофф Р. Планирование будущего корпораций. — М., 2002.
3. Аладьин В., Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г. Помни войну. — М., 2016.
4. Альтернативные пути в цивилизации. — М., 2000.
5. Анисимов О.С. Средства анализа деятельности // Метод и средства методической работы при создании и совершен-

- ствовании программ производственной практики в ВУЗе. — М., 1980. Ч.1.
6. Анисимов О.С. Методологическая версия категориального аппарата психологии. — В. Новгород, 1989.
 7. Анисимов О.С. Новые ценности образования и пути методологизации последипломного образования. Вып. 1–14. — М., 1990–1994.
 8. Анисимов О.С. Исследования по творчеству и культуре рефлексивной самоорганизации преподавателя (акмеологические аспекты) // Педагогическая концепция последипломного образования. Вып. 14. — М., 1994.
 9. Анисимов О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. — М., 1998.
 10. Анисимов О.С. Формирование экспертного мышления. Ч. 1–5. — Новокузнецк, 1999.
 11. Анисимов О.С. Стратегии и стратегическое мышление. — М., 1999.
 12. Анисимов О.С. Гегель: мышление и развитие. — М., 2000.
 13. Анисимов О.С. Проблемы и пути формирования стратегического мышления в управленческой деятельности. — М., 2000.
 14. Анисимов О.С. Введение в теорию деятельности. — М., 2000.
 15. Анисимов О.С. Культура принятия решений: диалоговые модели. — М., 2002. Ч. 1, 2.
 16. Анисимов О.С. Методологический словарь для управленца. — М., 2002.
 17. Анисимов О.С. Онтологии в рефлексивном пространстве. — М., 2002.
 18. Анисимов О.С. Язык теории деятельности: проблемы трансляции. — М., 2003.
 19. Анисимов О.С. Методология на рубеже веков (к 50-летию ММК). — М., 2004.
 20. Анисимов О.С. Принятие управленческих решений: методология и технология. — М., 2004.
 21. Анисимов О.С. Принятие решения в управленческих иерархиях. — М., 2004.
 22. Анисимов О.С. Развивающие игры. Игротехника. Методология. Т. 1–2. — М., 2006.
 23. Анисимов О.С. Стратегическое управление и государственное мышление. — М., 2006.
 24. Анисимов О.С. Стратегическое управление: единство интеллектуальных, нравственных и духовных оснований. — М., 2006.
 25. Анисимов О.С. Высшие формы профессионализма государственного мышления. — М., 2006.
 26. Анисимов О.С. Сталин: стратегический портрет в цивилизационной рамке. — М., 2006.
 27. Анисимов О.С. Цивилизационные катастрофы и стратегическое мышление. — М., 2006.
 28. Анисимов О.С. Рефлексия и методология. — М., 2007.
 29. Анисимов О.С. Основы метааналитики. В 2-х т. — М., 2007.
 30. Анисимов О.С. Цивилизация и ее механизмы: становление и разрушение. В 2-х т. — М., 2007.
 31. Анисимов О.С. Методологическая парадигма (опыт ММПК). — М., 2007.
 32. Анисимов О.С. Схемы и схематизация: путь в культуру мышления. В 2-х т. — М., 2007.
 33. Анисимов О.С. Метод работы с текстами (МРТ). В 2-х т. — М., 2008.
 34. Анисимов О.С. Мышление и логика «восхождения». — М., 2008.
 35. Анисимов О.С. Онтологии, системный подход и высшая мыслетехника. — М., 2008.
 36. Анисимов О.С. Методология и технологические формы мышления. — М., 2009.
 37. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 4. Стратегическое мышление управленца. — М., 2009.

38. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 6. На пути к цивилизационному управлению. — М., 2009.
39. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 7. Стратегическое управление в схемах. — М., 2009.
40. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 12. Технологизация игротехники и мыслетехника. — М., 2010.
41. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 13. История: цивилизационный подход. — М., 2010.
42. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 20. «Абсолютный метод» и философское мышление. — М., 2010.
43. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 21. Стратегическое мышление и цивилизация. — М., 2011.
44. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 22. Цивилизационная история: стратегический взгляд на истоки цивилизационного кризиса. — М., 2011.
45. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 23. Язык и развитие психики. — М., 2011.
46. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 25. Правитель: ум и мудрость. — М., 2011.
47. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 27. Искусство управления: стратегия и тактика по-советски. — М., 2011.
48. Анисимов О.С. Стратегическое мышление: базисные средства. — М., 2011.
49. Анисимов О.С. Структура. Система. Метасистема. — М., 2011.
50. Анисимов О.С. Мышление: сущность и развитие. — М., 2012.
51. Анисимов О.С. Управленческое мастерство (парадигма советского «делократа»). — М., 2012.
52. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 28. Проблемы стратегического выбора России в центре цивилизационного кризиса. — М., 2012.
53. Анисимов О.С. Стратегическое мышление: проблема достижения разумного уровня. — М., 2012.
54. Анисимов О.С. Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение. — М., 2012.
55. Анисимов О.С. Идентификация и самоорганизация актера в сценическом пространстве (Метод К.С. Станиславского и игротехника). — М., 2013.
56. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 32. Рефлексивная самоорганизация и самоопределение: путь к логическому и духовному. — М., 2013.
57. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 34. Дневник методолога (Материал для предикативной реконструкции). — М., 2013.
58. Анисимов О.С. Аналитика: зов перепарадигматизации. — М., 2014.
59. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 35. Тайна гегелевской философии (методологический очерк). — М., 2014.
60. Анисимов О.С. Методологические проблемы проектирования будущего России. — М., 2015.
61. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 40. «Философия духа» Гегеля: методологическая трактовка. — М., 2015.
62. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 41. Высшая мыслетехника в цивилизационной аналитике. — М., 2016.
63. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 42. Советы Сталина нашему современнику (о стратегии строительства нового общества). — М., 2016.

64. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 43. Понятийный инкубатор: наука, логика, методология. — М., 2016.
65. Анисимов О.С. Эффективность стратегического мышления и «разумная» мыслетехника // Вестник международной академии наук (русская секция). 2016. №1.
66. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. — СПб, 1999.
67. Аристотель. Сочинения в четырех томах. т. 2. — М., 1978.
68. Астафьев Б.А. Теория творения и генетического единства мира. — М., 2010.
69. Астафьев Б.А. Мироздание открытия, теории, гипотезы. — М., 2015.
70. Белокур В. Зачем все? или счастье разумного жития. — М., 2012.
71. Беляев М.И. Основы миологии. — Краснознаменск, 1999.
72. Беляев В.А. Философия управления между теорией менеджмента и философией культуры. — М., 2012.
73. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М., 1990.
74. Бердяев Н.А. Диалог и взаимодействие Востока и Запада: альтернатива на XXI век. — М., 2001.
75. Бердяев Н.А. Глобалистика. Энциклопедия. — М., 2003.
76. Бердяев Н.А. Глобализация и судьбы цивилизации. — М., 2003.
77. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. — М., 2000.
78. Бондаренко Ю.Г. Всеобщие законы мироздания. — М., 2002.
79. Буайе Р. Викинги: История и цивилизация. — СПб, 2012.
80. Виссема Х. Стратегический менеджмент и предпринимательство: возможности для будущего процветания. — М., 2000.
81. Владимирив Ю.С. Метафизика. — М., 2009.
82. Гапоненко А.Л. Управление знаниями. — М., 2001.
83. Гегель. Наука логики. В 3-х томах. т. 1. — М., 1970; т.2. — М., 1971; т. 3 — М., 1972.
84. Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. — М., 2001.
85. Глазунов А.В. Постоянное улучшение. Экскурс в историю // Методы менеджмента качества. 2003. №1.
86. Голубкова Л.Г. Розин В.М. Философия управления. — Йошкар-Ола, 2010.
87. Гофф К. Цивилизация средневекового Запада. — М., 1992.
88. Демин В.М. Небополитика как искусство. Иные грани. — М., 2006.
89. Демин В.М. Грядущая стратегия России. Основы современной русской национальной военной науки. — М., 2007.
90. Долятовский В.А. Долятовская В.Н. Исследование систем управления. — М., 2002.
91. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. — М., СПб, Киев, 2007. 92. Елина И.Е., Елин А.В. Управление. Философские аспекты. — М., 2009.
93. Забуленов А.Б. Реинжиниринг: практические подходы к реорганизации // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. №1.
94. Захаров В.Д. Введение в метафизику природы. — М., 2003.
95. Зоркин Н.В. Новая теория мироздания. — М., 1996.
96. Илиевский Н.В. Холодная война в двух томах. Том II. От Потсдама до Мальты. — М., 2014.
97. Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики. Сб. мат. Международного конгресса. — М., 2015.
98. Капица С.П. Общая теория роста человечества. — М., 1999.
99. Карлоф Б. Деловая стратегия. — М., 1993.
100. Китайская классика. Искусство управления. Переводы В.В. Малявина. — М., 2004.

101. Клаузевиц К. О войне. — М., 1974.
102. Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г. Если завтра война... — М., 2015.
103. Концепция общественной безопасности. Мертвая вода. №1. — Новосибирск, 2002.
104. Корнилов В.А. Технология творения. Введение в теорию мироустройства. — М., 2011.
105. Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века. — М., 2011.
106. Кремлев С. Россия за Сталина! 60 лет без вождя. — М., 2013.
107. Кремлев С. Лаврентий Берия. Спасенные дневники и личный архив. Самое полное издание. — М., 2014.
108. Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Мировоззрение устойчивого развития. — М.-Дубна, 2013.
109. Кузнецова О.А., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: устойчивое развитие. — М.-Дубна, 2000.
110. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Истоки и вершины восточно-европейской цивилизации. — М., 2008.
111. Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие. — М., 2012.
112. Курносов Ю.В. От азбучных истин — к аналитическим центрам. — М., 2014.
113. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. — М., 2010.
114. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. — М., 2009.
115. Макиавелли Н. О военном искусстве. — Минск, 1998.
116. Малин А.С., Мухин В.И. Исследование систем управления. — М., 2002.
117. Маркова В.Д., Кузнецов С.А. Стратегический менеджмент. Курс лекций. — М., 2002.
118. Маслова Н.В. Периодическая система Всеобщих Законов Мира. — М., 2005.
119. Материалы экспертно-дискуссионного клуба «Аналитика»: дек. 2014 — май 2015. — М., 2015.
120. Медынский В.С., Ильдеменов С.В. Реинжиниринг инновационного предпринимательства. — М., 1999.
121. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. — М., 2001.
122. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М., 1998.
123. Нигматулин Р.И. 4 Э нашей жизни: Экология. Энергетика. Экономика. Этнос. — М., 2015.
124. Никаноров С.П. Совершенствование, создание и развитие организации на основе теории систем // Методологические проблемы теории организаций. — Л., 1976.
125. Ойхман Е.Г., Попов Э.М. Реинжиниринг бизнеса: реинжиниринг организаций и информационные технологии. — М., 1997.
126. Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ. — Киев, 2002.
127. Павленко Ю.В. Русская цивилизация. — М., 2002.
128. Платон. Избранные диалоги. — М., 1965.
129. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. — М., 1993.
130. Поплавская-Хохлова О.В. Мировоззрение. Мир проявленный и непроявленный. — М., 2000.
131. Попов С.А. Стратегическое управление: уч. пособие. — М., 1999.
132. Проблемы социокультурной модернизации регионов России. — М., 2013.
133. Прохоров А.П. Русская модель управления. — М., 2002.
134. Псевдо-Маврикий Стратегикон // Антология военной мысли. Древний мир. — СПб, 2000.
135. Путилин Б.Г., Золотарев В.А. Россия в условиях глобального кризиса. Мат. науч. конф. 14 марта 2009 г. — М., 2009.

136. Путилин Б.Г., Золотарев В.А. Противостояние двух сверхдержав. — М., 2014.
137. Угрозы и риски России в условиях обострения международных отношений и пути их минимализации. Стратегический анализ. — М., 2015.
138. Ровинский Р.К. Развивающаяся Вселенная. — М., 1995.
139. Розин М. Успех без стратегии: технологии гибкого менеджмента. — М., 2001.
140. Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. — М., 2011.
141. Розин В.М., Голубкова Л.Г. Управление в мировом и российском трендах. — М., 2013.
142. Салмон Р. Будущее менеджмента. — СПб, 2004.
143. Самарин А.Н., Фионова Л.К., Лисовский Ю.А., Ермакова М.В., Шабалин А.П., Бояринцев В.И., Задерей В.А., Феньев Ф.И. Технология победы. — М., 2012.
144. Семашко Л. Азбука гармонии для Глобального мира, Гармонической цивилизации и Тетранет мышления. Всемирный учебник. — СПб, 2012.
145. Симчера В.М. Как возродить экономику России. Кн. 3. Нравственная экономика. — М., 2006.
146. Скобелев Э. Технологии мирового господства. — М., 2009.
147. Смирнов Н.Н. Стратегический менеджмент. — СПб, 2002.
148. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
149. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. — СПб, 2010.
150. Субетто А.И. Эпоха краха рынка, капитализма и либерализма. Ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? — СПб-Кострома, 2010.
151. Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. Нравственное государство. От теории к проекту. — М., 2015.
152. Сунь-цзы // Искусство войны. Антология военной мысли. Древний мир. — СПб, 2000.
153. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М., 1991.
154. Томпсон А.А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации. — М., 2001.
155. Тренев Н.Н. Стратегическое управление. — М., 2000.
156. Уткин Э.А. Стратегическое планирование. Учебник. — М., 1998.
157. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. Учебник. — М., 2001.
158. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации. Манифест революции в бизнесе. — М., 2011.
159. Хасси Д. Стратегии и планирование. — М., 2001.
160. Человечество: ноосферное развитие. Энциклопедия ноосферных знаний. — М.-Белгород, 2010.
161. Шелейкова Н.И. Вечный «старо-новый» мировой порядок. — М., 2015.
162. Шмаков В. Основы пневматологии. Теоретическая механика становления Духа. Кн. I–II. Киев, 1994.
163. Шеер А.В. Моделирование бизнес процессов. — М., 2000.
164. Щедровицкий Г.П., Котельников С.И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. Труды семинара. — М., 1983.
165. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М., 1995.
166. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. — М., 1997.
167. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... — М., 2001.

168. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.4. ОРУ (1). — М., 2003.
169. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. — М., 2005.
170. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 2-х т. — М., 2005 — 2006.
171. Яковец Ю.В. История цивилизации. — М., 1997.
172. Якунин В.И., Сулкашин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов П.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. — М., 2012.
173. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1994.

Сведения об авторе

Анисимов Олег Сергеевич

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель методологического центра «Цивилизационные стратегии».

E-mail: humani12@mail.ru

